

7. 4. 1925

Wochentag-Ausgabe Nr. 68.

6-й г. изд.

Gegründet von **I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff** †

Подписная цѣна. Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собств. разсылки, нѣжд. на домъ 1 зол. марка въ недѣлю, 4.30 мар. зол. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. укрежд. Германіи 4.30 мар. зол. въ мѣсяцъ (и по 40 зол. пф. почт. расх. за доставку). Въ Германіи въ Европ. страны: Австрію 10 шилл. Англію 6/3 шилл., Бельгію 25 белг. фр., Болгарію 180 лев., Венгрію 100.000 в. кр., Голландію 3.75 голл. гульд., Грецію 75 др., Данію 7.50 л. кр., Данц. обл. 6.25 гульд., Испанію 10 пез., Италію 30 ит. лирѣ, Латвію 250 латв. руб., Литву 12.50 литъ, Люксембургъ 25 фр., Мемельск. обл. 12.50 литъ, Норвегію 8.75 н. кр., Польшу 6.25 злот., Португалію 37 50 эск., Румынію 250 лей, Турцію 250 піастр., Финляндію 50 ф. м., Францію 25 фр. фр., Чехословакію 37.50 ч. кр., Швейцарію 7.50 шв. фр., Швецію 6.25 шв. кр., Эстонію 450 эст. мар., Югославію 75 дин. въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азію пост. 3.75 іены, Азію зап. 6/3 шилл., Инд. Инд. 3.75 голл. гульд., Америку вообще 1.50 долл., Аргент. респ. 3.75 бум. пезо, Бразилію 12.300 милыр., Чили 12.50 бум. пезо; Африку: Англ. влад. 6/3 шилл., Итальянск. влад. 30 ит. лирѣ, Франц. влад. 25 франц. фр. въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія. Цена въ золотыхъ маркахъ

20 вологыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина
строки) въ отдѣлѣ объявленій
1 зол. марка 35 пфен за миллиметръ въ рекотѣ
15 вологыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объ-
явленія о розыскахъ и смерти.
10 зол. пфенниговъ для врачей
15 „ „ „ прис. повѣренныхъ.
10 зол. пфен. за миллиметръ для ишушихъ мѣстъ.

При крупных заказах скидка по тарифу. Заграничные объявления по особому тарифу. Прием объявлений и подписки в „Ullsteinhaus“ Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всех городских отделениях Ullstein'a. Редакция (там же) открыта ежедневно от 11 час. утра до 2 час. Редакторы принимают ежедневно от 1/2 до 1/3 часа дня. Телефон редакции Dönhofs 47-81.

Основанъ **І. В. Гессеномъ, проф. А. И. Наминна и В. Д. Набоковымъ** †

Могила А. П. Чехова*

На кладбище в Новодвичьем монастыре от человека остался белый камень, очень тихий, очень скромный, такой десторовски-лавитановски-чеховский; — и на этом камне высечено: Антон Павлович Чехов. По веснам есть такая поля — уйти к самому себе, за город, поодиночествовать, подумать, — 17 номер трамвая доходит до Новодвичьего монастыря, пройти тишиной средневековой, деревенской чанели, такие домики у с-нъ и башен — и там могила Чехова, — на камне высечено: Антон Павлович Чехов.

Но там же, написано чернильным карандашом и нацарапано гвоздями, — вот эти записи. Мне больно их читать — вам больно их будет слушать. Я сохраняю и стиль, и имена; они написаны — геть, не только дураками, иные из этих писавших — любил Чехова, — это наши российские пошлость и «шапками закидаем», наше панибратство. Выписываю:

Чехонте Антоша, люблю тебя! В. Т. Панфилов.

Трафимовъ, Беркинъ — спи съ миромъ. Ты правдичъ, хотя въ твоихъ произведениихъ сквозитъ насатъшка, но тоже правдивая.

Ты умеръ, но сильно твоя память. Писатель творецъ Чайки!

Чеховъ — мой идеалъ. Я люблю твои велики театры! П. Пожаровъ.

Хоть бы дозочку отдалъ памъ своего таланта, для русскихъ сомгнй, которые не умеемъ писать.

Кстати ставимъ сегодня Медвѣдя, приходи на нашъ бенефисъ.

15/IV — 24. С. Козновъ.

Никто не знаетъ печальнй смѣха,
Никто не обличалъ такъ ложь, —
Но ты, по ты, Антоша Чеховъ,
Ты навсегда средь насъ живешь!

13/IV — 24.

Хотѣлъ плакать по тебѣ, да луку не принесть! А. Б. в.

Умира во время — изрѣченіе мудрецовъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы съ большой ногой все же пошла поклониться твоему праху. Ты всегда будешь жить въ моемъ сердцѣ. Шкрабъ М. П.

Великому учителю русскаго слова отъ учителя-хлѣбособа-фронтовика.

Въ лучший день нашей жизни — Зоя и Костя.

И еще надписи, надписи на могилѣ Чехова:

Антонъ Павл! Васъ больше опощирятъ подобнымъ надписямъ, чѣмъ сочувствъ. Недель.

Чеховъ, я люблю твою Кантанку!

Народъ, который ты такъ любилъ, теперь возржидаетъ.

Мѣшательства много въ тебѣ, но хорошо, что воевать смѣлъ.

Сю надписи посвящаемъ дорогому вежмъ писателю. Сегодня посѣтили твою скромную могилку, чѣмъ то хорошему цовѣло на насъ при видѣ ея, и новольно вспомнило ты... Ужъ много лѣтъ прошло, но памти по тебѣ не умерла среди насъ, новаго поколѣнія, и не умереть, миръ праху твоему! Варя Толецкихъ, Леля Шеръ.

* Изъ только что выпешаго моск. журнала «Красная Новь».

Многіе славятъ тебя, а мы, стояще здѣсь и нѣкоторые многіе другіе, говоримъ спасибо, что ты своѣ праздники дни не совсемъ правдо проводилъ, а попортилъ много бумажъ.

Дружнше! Были сегодня у твоей могилы и вспомнили старину. Помнишь Антоша, какъ мы съ тобой на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣли съ тобой, съ Машей? Ну, братъ, прощай, кстати зима была суровая, ты, дружокъ, должно замерзъ, не важно, будетъ и на твоей улицѣ праздникъ. Прощай — пошли къ бабамъ по стариковски, кстати онѣ теперь очень нагны! 27-го марта 24 г.

Вотъ эти — простите — «назвѣченія» я описалъ въ Новодвичьемъ монастырѣ, съ могилы Антона Павловича Чехова, прошлой весной. Есть такая воля — веснами, когда Москва расплалась въ ручьяхъ и неприятно, что солнце рѣжетъ глаза только изъ лужъ — поѣхать на 17 номеръ въ Новодвичій, въ тишину, спуститься къ рѣкѣ, посмотреть на Воробьевы горы, подумать за голъ — а потомъ пойти къ могилѣ Чехова, поглотить около, додумать по-

стѣнее. У Арбатскихъ воротъ продаются глянцеты и надо таскать подъ мышку горшокъ глянцетовъ, чтобы доставить ухова, у бѣлой могилки. Такіе весенне расплеснутые дни — никогда не жалко вечеромъ, когда идетъ разговоръ, въ прошлый день, гдѣ былъ и что дѣлалъ, надо со смущеніемъ отговориться: «та знаете ли, бродяжничать, ничего» — тому что такіе дни хочешь оставить только для себя.

Человѣческая глупость и пошлость, торыхъ такъ боялся Чеховъ, не умерли «Ивановымъ-седьмымъ». Человѣческая глупость и пошлость окатили могилу хова. И это нашъ долгъ и наша часть отмыкаться отъ пошлости и бороться ней — ибо Чеховъ живъ не только бичъ «Иванова-седьмого», но и тѣмъ — и главнѣйшее и прекраснѣйшее — тѣмъ, каждую весну тревожитъ человека и плеснущимъ солнцемъ, расплеснутымъ днемъ, когда ясно, что солнце, лужи, мѣри, сутинники Воробьевыхъ горъ, сквернйя поляны — значительнѣе и торскихъ, твердыхъ, какъ грифель, дне Бор. Пильнянъ.